

Ци Хэли никогда не считал Цзян Мэнчжэня просто кузеном или родственником. Обращение, которое он наотрез отказывался произносить в двенадцать лет, в семнадцать казалось еще более невозможным. Выдавлив натянутую улыбку, он опустил голову и тихо произнес:

— Действительно, так называть вас более не пристало... господин Цзян.

От ласкового «Мин-гэер» до холодного «второй молодой господин», от трепетного «братец Мэн» до официального «господин Цзян»... Между этими словами пролегли годы, разделившие их непреодолимой пропастью сословных приличий и взаимного отдаления. На столе всё так же лежало нефритовое пресс-папье в виде котенка, но прежнего мира уже не существовало. Хэли внезапно охватило тяжелое предчувствие: ледяная вода, которой он наглотался в Пруд Застывшей Яшмы ради спасения Мэнчжэня, рано или поздно вернется и выльется горячими слезами.

Чужое, сухое «господин Цзян» больно резануло слух Цзян Мэнчжэня. Однако он сам только что воздвиг эту стену, решив отдалиться. Разве мог он теперь позволить себе прежнюю нежность с младшим братом своего избранника? На душе у него заскребли кошки, к горлу подступил ком, и он не нашелся что ответить.

Заметив неловкое молчание, Биянь поспешила разрядить обстановку. Она весело улыбнулась:

— Да какая разница — кузен или господин Цзян? Всё равно это ненадолго! Вот приедет в следующем году наш маркиз в столицу, обменяется с вашим семейством картами судьбы для помолвки, назначит день свадьбы старшего молодого господина и нашего юного господина — и вам обоим придется привыкать к совсем другим обращениям!

— Ну что ты мелешь... — щеки Цзян Мэнчжэня слегка порозовели, однако отрицать ее слова он не стал.

Биянь лишь рассмеялась:

— За спасение жизни платят замужеством! Да и дело-то решенное, все в поместье об этом знают, а наш господин всё еще смущается!

Ци Хэли резко вскинул голову. Его взгляд, тяжелый и цепкий, впился в служанку:

— Спасение... жизни?

Биянь растерялась под этим ледяным, пронизывающим взглядом. Сбившись с мыслей, она неловко замялась, прежде чем ответить:

— Разве второй молодой господин не знает? Три года назад нашего господина столкнула в Пруд Застывшей Яшмы сумасшедшая служанка. Это старший молодой господин вытащил его

оттуда! Подумать только, в лютый мороз! Представляете, какая там была стужа? Броситься в такую воду — всё равно что расстаться с жизнью!

Никто в целом свете не знал лучше Ци Хэли, насколько ледяной была тогда вода. И никто не ведал, в каком безумном исступлении билась Шуйфэнь. Эта сумасшедшая тварь металась по берегу, а затем вцепилась в него, пытаясь утопить, утащить на дно вслед за Мэнчжэнем. Они барахтались в темной глубине, захлебываясь и уходя под воду. Если бы Хэли не владел техникой дыхания, если бы не делился с задыхающимся Мэнчжэнем воздухом губы в губы, они оба давно бы гнили на дне этого проклятого пруда!

Но почему спасителем объявили Ци Фэнцзю?! Хэли не мог этого постичь. Разум его отказывался верить.

Тем временем Цзян Мэнчжэнь мягко произнес:

— Ты тогда сам сильно занемог, вот, должно быть, ничего и не слышал... Но почему ты тогда так тяжело заболел?

"Почему?"

"Да потому, что его легкие были забиты тinou и ледяной жижей! Потому, что он всю ночь дрожал от холода, и никто не согрел для него даже ковш воды! Ему пришлось укрыться мокрым насквозь одеялом, которое к утру покрылось ледяной коркой. Он изнемогал от усталости, но не смел сомкнуть глаз, боясь не проснуться. А потом его двор заколотили. Ни лекаря, ни снадобий, ни даже жалкой плошки горячей похлебки... Тринадцатилетний израненный ребенок, отдавший последние силы в ледяной бездне, остался один на один со смертью. Как он мог не заболеть?!"

Хэли растерянно посмотрел на Цзян Мэнчжэня. Он никогда не умел красиво говорить, а в присутствии того, кого любил больше жизни, и вовсе робел, взвешивая каждое слово. Сейчас же в его мыслях царил такой хаос, что он лишь беззвучно хватал ртом воздух, не в силах выдать ни звука.

Видя его замешательство, Мэнчжэнь почувствовал, как в груди шевельнулась прежняя нежность. Ему отчаянно захотелось, как в детстве, коснуться щеки Хэли и ласково сказать, что всё в порядке, что никто не станет его винить за косноязычие.

— Ну полно, — мягко улыбнулся он. — Я ведь и сам ничего не смыслю в медицине. Главное, что сейчас ты полностью оправился, а остальное — пустое.

"Пустое?!"

Да это было важнее самой жизни! Хэли больше не мог здесь оставаться. Невидимые тиски

сжали грудь, заставляя задыхаться. Ему нужно было немедленно увидеть старшего брата. Спросить этого благородного, безупречного, чистого как нефрит книжника Фэнцзю — как так вышло, что за три года его отсутствия тот присвоил себе чужой подвиг?! Если за спасение жизни положено отдавать сердце и судьбу, то Мэнчжэнь должен принадлежать ему! Ведь это он, Ци Хэли, не раздумывая бросился в ледяной ад и едва не сгинул там!

— Я... — Хэли резко поднялся. Кадык его судорожно дернулся, и он с трудом выдавил: — Мне нужно идти. Срочные дела... Я приду позже.

Он вылетел из комнаты подобно урагану.

Биянь, принимаясь убирать со стола чайные пиалы, покачала головой:

— Второй молодой господин стал совсем неразговорчивым. И характер у него теперь какой-то странный, нелюдимый.

Цзян Мэнчжэнь молча взял со стола нефритовое пресс-папье. Он долго задумчиво гладил пальцами гладкую спинку котенка, а затем тихо, едва слышно вздохнул.

— Брат! Старший брат! — Ци Хэли настежь распахнул двери кабинета Ци Фэнцзю, даже не постучав. — Мне нужно поговорить с тобой! Наедине!

Фэнцзю оторвал взгляд от бумаг и удивленно приподнял брови:

— Что случилось? К чему спешка и этот переполох?

Хэли обвел хмурым взором сидевших в комнате наставников, с которыми его брат вел ученые беседы, готовясь к предстоящим экзаменам.

— Пусть все уйдут, — ледяным тоном бросил он.

Ци Фэнцзю, вздохнув, сделал знак учителям удалиться. Когда за последним из них закрылась дверь, он отложил кисть и спросил:

— Ну и что стряслось? Говори толком.

— Зачем ты солгал братцу Мэну? Зачем сказал, будто это ты вытащил его из Пруда Застывшей Яшмы?!

Фэнцзю резко вскочил. Ножки тяжелого стула с противным, режущим уши скрежетом проехали по каменным плитам пола. С его обычно безмятежного, холеного лица в один миг слетела вся спесь, уступив место неприкрытому испугу.

— Так это... это действительно был ты?! — вырвалось у него.

Хэли молчал, лишь буравил его тяжелым, немигающим взглядом. Впервые в жизни Ци Фэнцзю почувствовал, как младший брат подавляет его своей волей, словно дикий зверь, готовый к прыжку. Кое-как справившись с дрожью в голосе, Фэнцзю попытался оправдаться:

— Я не собирался его обманывать... В ту ночь я проходил мимо пруда и увидел Мэнчжэня. Он лежал на берегу, мокрый до нитки и без чувств. Разумеется, я поспешил отнести его в Павильон Слушания Дождя. Тебя... тебя там не было!

— Конечно меня там не было! Я в это время шел ко дну! — Хэли криво усмехнулся. — Сумасшедшая Шуйфэнь вознамерилась утащить братца Мэна в бездну. Она лишилась ума, став страшнее любого красноглазого демона. Мы сцепились на краю, и она увлекла меня за собой в воду. Брат, ты хоть знаешь, каково это — когда утопленник сжимает тебя в смертельных объятиях? Потом еще полгода, стоило мне закрыть глаза, я видел ее искаженное лицо и тянущиеся к моему горлу скрюченные пальцы!

От мрачной бездны в глазах Хэли у Фэнцзю по спине пробежали мурашки. Поистине, живые люди порой бывают куда страшнее мертвецов, особенно те, чей разум сожрали страсти.

— Тело утопленницы окоченело, она держала меня мертвой хваткой, не разомкнуть пальцев. Мои легкие разрывались от нехватки воздуха, в горле клокотала кровь. Мне пришлось переломать ей кости рук, чтобы вырваться и всплыть! Я чудом остался жив... Неужели при осмотре трупа этого никто не заметил?

— Этим... этим занималась госпожа. Я ничего не знаю, — с трудом выдавил Фэнцзю, чувствуя, как пересохло во рту. — Я лишь позже подумал, что твоя внезапная смертельная болезнь выглядит как-то странно. И у меня закрались подозрения...

— Так вот, теперь ты знаешь правду: это я вытащил его из пруда! — Хэли шагнул вперед и мертвой хваткой вцепился в рукав брата. В его голосе зазвучало отчаяние: — Иди к нему. Немедленно! Скажи ему всё как есть. Признайся, что ты просто подобрал его на берегу, а спас жизнь — я!

— Глупости! — Фэнцзю резко вырвал рукав и отступил на пару шагов, поспешно пряча дрожащие руки в широких шелковых обшлагах. Пытаясь скрыть панику за напускным гневом, он процедил: — С какой стати Шуйфэнь нападать на Мэнчжэня? У них не было причин для вражды! Да и ты... совсем мальчишкой тогда был, откуда у тебя силы, чтобы вытащить взрослого человека из ледяного омута? Ты всё врешь!

— Врешь? — Хэли горько, издевательски усмехнулся. — Хочешь знать, почему сумасшедшая напала на брата Мэна? Да потому, что она спала и видела, как станет твоей наложницей, разделит с тобой постель! А братец Мэн стоял у нее на пути. Вот она и решила избавиться от соперника. А что касается моих сил... Тут всё просто. Я вытащил его, потому что ради него мне не жалко было умереть.

Ци Фэнцзю ошеломленно застыл, не сводя с брата широко распахнутых глаз. Наконец он медленно, роняя каждое слово, произнес:

— Так, значит... ты тоже влюблен в него.

Только теперь до него дошло, почему Хэли всегда так неохотно соглашался передавать Мэнчжэню его подарки и любовные письма. Каким же слепцом он был все эти годы, раз не замечал очевидного!

Хэли лишь плотнее сжал губы, не удостоив брата ответом.

Они стояли друг напротив друга в звенящей тишине. Фэнцзю с нарастающей тревогой всматривался в черты младшего брата. Тот слабый, забитый мальчик, которого он когда-то защищал от гнева матушки, бесследно исчез. Перед ним стоял сильный, статный мужчина — опасный соперник, способный разрушить всё. Сердце Фэнцзю болезненно сжалось. Он прекрасно знал, что Мэнчжэнь благороден и верен слову. Но если перед ним предстанет этот отважный юноша, готовый отдать за него жизнь... какая душа не дрогнет? Тем более что Мэнчжэнь полюбил его самого лишь потому, что считал своим спасителем!

— Брат, — негромко, но твердо произнес Хэли. — Если ты трусишь и промолчишь, я сам пойду и всё ему расскажу.

Он развернулся, намереваясь покинуть кабинет.

— Стой! — в панике воскликнул Фэнцзю, преграждая ему путь. — Я знаю, что родители всегда обделяли тебя, обходились несправедливо. Но скажи, разве я, твой старший брат, когда-нибудь причинил тебе зло? Разве я не защищал тебя?!

— Твою доброту я помню и ценю, — Хэли процедил слова сквозь зубы. — Но это дело — совсем другое. Я пришел сначала к тебе, а не побежал жаловаться братцу Мэну, только из уважения к нашей крови.

— Но ведь это вышло случайно! Ошибка, недоразумение! — взмолился Фэнцзю. — Если ты сейчас ворвешься к нему с этой правдой, я в его глазах стану гнусным лжецом! Как мне потом смотреть ему в лицо?!

— Но как же я?..

— Я понимаю твои чувства к Мэнчжэню. Было бы странно не полюбить такую редкую жемчужину, — прервал его Фэнцзю, хватаясь за последнюю соломинку. — Но за те годы, что тебя не было в столице, мы сблизились. Мы любим друг друга. Княгиня Цзинь и наш отец уже давно дали устное согласие на этот брак. Мы ждали лишь потому, что я готовился к экзаменам и не хотел отвлекаться. В следующем году — великие испытания, маркиз Цзянлин с супругой придут в столицу для помолвки. Зачем ворошить прошлое? Чего ты добьешься, кроме того, что разобьешь Мэнчжэню сердце и поставишь его в неловкое положение?

"И правда... чего я добьюсь?"

Хэли почувствовал, как внутри него что-то с тихим хрустом надломилось. Неужели Мэнчжэнь, узнав правду, бросит Фэнцзю и побежит к нему? Даже если бы случилось чудо, старейшины родов костями бы легли, но не допустили бы этого. Да и захочет ли сам Мэнчжэнь? Если бы в его сердце теплилась хоть искра чувств к Хэли, он не стал бы так холодно отталкивать его. Не отверг бы его приглашение на праздник фонарей, чтобы потом пойти туда под руку с Фэнцзю.

Разве станет кто-то менять чистейшую яшму на кусок придорожного булыжника?

Силы мгновенно оставили его. Ярость испарилась, уступив место удушливой, беспросветной тоске и привычному с детства чувству собственной ничтожности. Каким же глупцом он был! Жалкий шут, возомнивший, что может разрушить чужое счастье, разорвать этот идеальный, предначертанный небесами союз прекрасного гэер и благородного мужа. Как бы горячо он ни любил Мэнчжэня, тот принадлежал его брату. Они были рождены друг для друга.

— Брат, — губы Хэли дрогнули в горькой, изломанной усмешке. — Тот ароматный кошель, что ты просил передать ему три года назад... я так и не отдал. Оставил себе. У меня были свои корыстные помыслы. Не обессудь. Будем считать... мы в расчете.

— Я не сержусь на тебя, — тихо ответил Фэнцзю. Совесть жгла его каленым железом. Он опустил глаза, не в силах выносить взгляд брата, в котором закипали невыплаканные слезы. — И ты... не держи на меня зла.

Ци Хэли с малых лет не знал родительской ласки, не имел ничего своего. А то единственное сокровище, которое он лелеял в мечтах, теперь забирал старший брат. Разве есть в этом поднебесном мире хоть капля справедливости? Кто-то рождается баловнем судьбы, получая всё без усилий, а кто-то бьется до кровавого пота и всё равно остается ни с чем.

— Умоляю тебя, — глухо проговорил он, — береги его. Относись к нему бережно... к господину Цзяну.

На серые каменные плиты пола упала тяжелая, чистая слеза.

Хэли круто развернулся и стремительно покинул кабинет. Еще в ночь праздника Юаньсяо он лелеял безумную надежду бороться за свою любовь со всем миром, с собственным братом. Но

сегодня жестокие слова Фэнцзю отрезвили его. У него не было прав на эту борьбу. Ему оставалось лишь смиренно отступить и уйти в тень.

<http://bllate.org/book/19598/2002411>